

Наталья Патрацкая

**Янтаранфис.
Бегство от
себя**

Янтаранфис.

Наталья Патрацкая

Янтаранфис. Бегство от себя

«Автор»

2026

Патрацкая Н.

Янтаранфис. Бегство от себя / Н. Патрацкая — «Автор»,
2026 — (Янтаранфис.)

Привычная жизнь героев среди мистики прерывается роковым поцелуем, за которым кому пустота, а кому бегство от себя.

© Патрацкая Н., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Повесть	5
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Наталья Патрацкая

Янтаранфис. Бегство от себя

Повесть

Анфиса сидела и думала: что делать дальше? Для комплекта мебели известному хоккеисту она использовала неприкосновенный запас мистики. Степан Степанович вернулся из командировки влюбленным котом без мистических предметов. От Платона информация не поступала. У Степана Степановича был почти готов очередной комплект, а у нее за душой было пусто. Кстати, о душах. А где эти души водятся? В бездне. Правильно, но туда нельзя. Мистика должна быть живой. Где могут быть предметы старины на поверхности Земли? Если с юга Родион приехал пустой и влюбленный, то надо послать его на север, где людей ходит мало, где что-нибудь залежалось на чердаках старых домов.

Родион, услышав новое задание, пришел в отчаянье, ему так нужна Полина, а ему говорят: «Брысь на север. Ищи ветра в поле трехсотлетней выдержки». А что делать? Надо ехать, хоть щепу привезти, главное, чтобы натурально древнюю. Стал он изучать историю северных городов, да запутался и вновь позвонил Анфисе:

— Анфиса, помоги! Скажи, где у нас на севере города, которым более трехсот лет, чтобы от них можно было нащипать мистики?

— И это правильный вопрос. Родион, кстати, где твой друг Платон?

— Ты чего? У тебя крыша поехала? Хотя, знаешь, ко мне приходил один мужик, говорил явную глупость, на лицо чужой, а по спине Платон.

— Так и я видела этого мужика, а потом он исчез!

— Вот это да! Он что, медаль? С одной стороны — неизвестный, а с другой — Платон!

— Ладно, а ты знаешь, как его найти? — спросила Анфиса.

— Представления не имею. Лучше найди северный город и скажи, как туда проехать и что там искать.

— Начни с древнего Новгорода. На городище постоянно идут раскопки, не найдешь предмет обихода, так от стены древних домов всегда можно отщипнуть лучину: не от тех, что снаружи, они каменные, а от тех, что в земле зарыты. Храмы там тоже каменные, но в них есть деревянные предметы не первой исторической важности.

Инна, как и солнце, случайно заглянула в комнату матери, да так и осталась. Она села у принтера печатать цветные рисунки и фотографии. А мать Агнесса в это время, как домашний меланхолик, убирала квартиру, мыла посуду, гладила и сглаживала углы. Инна ходила по квартире в коротких шортах и топиках, как будто она жила на юге. Мать ходила в велюровом халате и меховых тапочках, как будто дома царил собачий холод. Матери при виде бровей дочери захотелось пойти в салон и покрасить свои брови, чтобы они были гуще. Дочь при виде бледных полосок бровей матери села уменьшать свои черные заросли в верхней части лица.

Мать равнодушно смотрела в экран телевизора, но, поглядев на дочь, спросила:

— Инна, ты седые брови выдергиваешь?

— А они у меня есть? Седые брови? — откликнулась она и посмотрела на улов инструмента, ей удалось сразу выщипать несколько волосков из бровей.

На телеэкране певец исполнил песню, появилась реклама кофе, на этом Инна переключила программу и стала слушать прогноз погоды. На ближайшие дни прогноз погоды был просто хороший. Она вытянула свои ноги и спокойно посмотрела на экран.

— А почему ресницы висят? — спросила Инна, глядя в зеркало.

— А я видела ресницы в два раза больше твоих. — сказала мать, подойдя и посмотрев в ее зеркало. — Ты знаешь, что большие ресницы лицо делают привлекательным?

— О! — воскликнула Инна, накрасив тщательно ершиком ресницы, которые успела нарастить.

— Я твое лицо не трогаю. — сказала мать, а потом спросила: — а ты куда собираешься?

— Хочу очень большие ресницы. Я на свидание иду.

На стене висели фотографии красивых девушек в одежде из полосок тканей с копиями и перьями на фоне лазурного моря. И вот среди этой красоты Инна не прожила и дня, а теперь она глядела на огромное небо и лес средней полосы на горизонте, с трудом вспоминая море. Теперь она жила дома, как орел на привязи, жаль, что на фоне ее никто не снимался.

Инна росла нормальной девочкой и смотрела смешные фильмы — и выросла крепкой девушкой. Но однажды она поняла, что вид у нее как у простых девушек. И она похудела. Изящная девушка стала скучной и ленивой. Сил у нее было мало из-за голода. Она ничего не хотела делать, никого не любила. У нее появились слова, что замуж он не хочет и детей у нее никогда не будет. В страшном ленивом состоянии она худела и огрызалась на все попытки окружающих заставить ее заняться физическими упражнениями. Лень на грани фантастики истощала ее силы, а она только иногда замеряла свою тонкую талию.

Мама отвезла дочь на море, чтобы она хотя бы поплавала среди медуз. Но чуда не произошло: девушка приходила на берег моря, ложилась на белый топчан и смотрела в песок. Потом вставала и уходила лежать в номер. Она не читала книг, практически не ела, позволяя себя один раз в день отвезти в кафе, где сидела и пренебрежительно смотрела на тех, кто ел. Никто не мог заставить ее засмеяться или посмотреть на экран с юмористами.

Мать всерьез опечалилась. Она отвела кисейную барышню на дискотеку, посадив ее в темный угол. Инна безразлично взирала на танцующую публику. Мать принесла ей коктейль в высоком стакане и ушла домой. Девушка лениво поднесла себя к соломинке и отпила напиток. Шквал музыки обрушился на нее со всех сторон. По веранде скользили зеркальные блики.

Девушка сидела и пренебрежительно смотрела на прыгающую публику. Крепкие, загорелые молодые ребята и девушки двигались в ритме музыки или сидели за столиками и пили холодные напитки. Через некоторое время пришла мать и увела дочь домой. Девушка после такого выхода в свет проспала до полдника, после чего один раз сходила на море. Скука, крошечная скука сопровождала лень девушки. Она не влюблялась, не увлекалась никем и ничем.

Поехал Родион в северный древний Новгород то ли покорять, то ли ущемлять, это уж как получится. Город как город, а ворота у одного храма такие огромные да кованые. Колокола гигантские и все на месте, еще и звонят. Но такие большие предметы оказывают мистическое влияние на огромное число людей. Вон, сколько автобусов со всего мира в город приезжает! А сколько среди них зарубежных туристов? Почти половина. И все они ходят по городу в поисках древности, визуальной или карманной.

Попал Родион на одну экскурсию за город, он думал, что там древность есть, а там был выстроен деревянный город, стилизованный под старые дома, а бревна новехонькие, и отщипнуть нечего. Внутри домов была собрана утварь, но тоже видно, что она новая. Горько стало Родиону, опять задание не выполнил, решил опять поискать в ближнем лесу.

Пошел Родион в лес. В лесу старушку встретил, махонькую, сухонькую, с курносом носом, с седыми волосами, заплетенными в тоненькие косички и вокруг головы напутанные. В руках она несла корзину с грибами.

От корзинки Родион глаз оторвать не мог.

— Бабуля, сколько лет твоей корзинке?

— Родимый ты мой, если бы знала, так сказала, она мне от бабки досталась, много у меня других корзиночек было, да все состарились, а этой — хоть бы что!

— Продай корзинку, я тебе заплачу, сотню новых корзин купишь, еще внукам останется.

— Так, почитай, жалко ее.

— Слушай, бабуля, твои внуки грибы собирают в лесу?

— Ты что, касатик, они в городе каменном живут, шампиньоны в магазинах покупают.

— Продай корзинку, бабуля!

— Так я тебе новую корзинку продам, зачем тебе это старье!

— Мне эта корзина нужна! Меня за ней послали. Хожу я тут по лесам, ищу тебя.

— Правда меня ищешь? — лукаво спросила старушка.

— Тебя ищу, с корзинкой.

— Фу ты, как привязался! Был бы ты крещенный — никогда не стал бы из рук корзинку выпрашивать.

— Сколько хочешь денег за свою корзинку? Ведь я мог бы у тебя из рук ее вырвать, но я с тобой переговоры веду, можно сказать, на государственном уровне!

— Вот треклятый, почини мне забор да крышу, тогда отдам тебе корзинку.

— Ты, бабуля, не промах, идем, покажи свою хибару.

Бабуля повернула в другую сторону. Покрутила его вокруг елей да сосен, он вообще потерял ориентир, откуда пришел и куда идет. Пришли они к избушке, старой, не в пример музейным. Третью избы занимала огромная печь.

— Бабуля, зачем тебе печь такая огромная?

— Ты чего, сизый мой, так я в ней моюсь, после того как хлеб испеку, я на ней и сплю.

— Ох, тяжело ты, бабушка, живешь!

— А куда легче! У меня все есть!

— Где продукты берешь?

— Мне много надо? Колбасы я ваши не ем. Грибков насобираю, муку мне привозят. Так и подумай, зачем мне твои деньги?

— Вот попал! Неужели тебе ничего не надо?

— Надо. Дровишки завсегда мне нужны, люблю я тепло.

— Где дрова взять?

— Ты чего, родимый, больной? Гляди, лесу-то сколько! Неужели мне на дрова не хватит!

— Может тебе пилу «Дружба» купить?

— Так я с малолетства топором дрова рубила.

— Ладно. Показывай забор и крышу.

Через три дня, поработав топором, Родион получил корзинку и свободу. Старушка денег у него взяла совсем немного и столько, сколько считала нужным. Он купил жесткую сумку, упаковал в нее корзинку, чтобы не сломалась, и домой поехал.

Анфиса, увидев корзинку, всплеснула по-стариковски руками:

— Молодец, Родион! Чудо! Это настоящее чудо! Свет выключи.

Родион выключил свет, закрыл окна. Корзина светилась матовым блеском.

— Настоящая! Проси, что хочешь!

— Ладно, я ушел, мне завтра на работу к Степану Степановичу выходить.

— Отлично.

Простая задача: как скрестить новую мебель со старой корзиной — была Анфисе по силам, это она четко осознавала. Дерево к дереву, и чтобы лучилось! Сердце ее в это время было абсолютно свободным, деньги ей были нужны, и вечерами она сидела с сыном и про-рисовывала вензеля с вплетенными в них прутиками из корзинки. Корзинку расплели, предварительно замочив, чтобы она не ломалась. Старые веточки напоминали по внешнему виду копченый сыр.

К Анфисе на огонек стал заходить Родион: то ли его тянула корзинка, то ли она сама, но он играл с малышом и уходил домой не собиравшись. Полина стала забываться, а вот Анфиса заполонила все его существо. Или это корзина их связывала? Кто знает.

Анфиса иногда шутила:

— Платона не боишься?

— Не знаю, если честно, но мне с тобой уютно.

— Как у Степана Степановича работается? Не обижает?

— А чего нам с ним делить? У нас разные обязанности, я свои выполняю.

— Давай назовем новый комплект мистической мебели «Копченый сыр».

— Анфиса, ты лучше ничего не придумала?

— А чем плохо? Предложим его директору мясомолочного комбината, где этот чудесный сыр выпускают.

— Ты этот сыр любишь? Он дорогой!

— Так он сухой. Возникает иллюзия, что его ешь, ешь, и челюсти устанут, а ты при этом не поправляешься.

— Если так, то по мне лучше бутерброд. Сообрази чай с лимоном и бутерброд с обычным сыром и маслом, я это все купил, в холодильнике лежит.

— Раз лежит — сделаем, мне недолго.

Интересные у них складывались отношения: без страсти, без видимых взглядов. Так, теплые отношения, тихие слова, никаких совместных планов на будущее. Работа у Степана Степановича в фирме благоприятно отразилась на внешнем облике Родиона, он стал уверенней в себе, стал лучше одеваться, лучше стричься. Они не кидались друг другу на шею, не было поцелуев, но все чаще вечера Родион и Анфиса проводили вместе, втроем с ребенком гуляли по выходным в парке. Возникало ощущение, что они начинают жить с чистого листа. Этого не могла не заметить Инесса Павловна, но и она не возражала против дополнительной опеки ее внука Евгения.

Название нового комплекта мебели «Копченый сыр» Анфиса предложила директору комбината, производящего копченый сыр. Директор удивился, рассмеялся и купил за хорошие деньги весь комплект мебели.

Родион получил задание: найти деревянный предмет прошлого, и обязательно настоящий! Деньги ему нужны были так, что и передать нельзя! Родион, недолго думая, сел на пригородный автобус и поехал до самой дальней деревни, куда не ходят поезда. Вышел он на последней клочке асфальта, кругом была грязь после дождя, виднелось несколько домов, старая ферма, конюшня.

Погладив себя по голове за то, что взял с собой высокие резиновые сапоги, Родион переобулся и пошел месить грязь по деревне. Он сразу заметил дальний дом. Постучал, а в ответ тишина. Толкнул дверь. Она открылась. Обошел бедную хибару. В дальнем углу на кровати лежал старик. Он еще дышал.

— Дед, ты жив?

— А чего тебе надо здесь?

— Так, мимо шел и зашел.

— Откуда меня знаешь?

— Я тебя не знаю. Есть хочешь, дед?

— Давай свою еду, ко мне тут заходят, кормят. Мне, чай, восемьдесят седьмой год идет.

Достал Родион еду, для себя припасенную, и выложил ее перед дедом. Тот обрадовался и стал жевать пищу тремя зубами. Выпил стопочку кагора, разговорился, после второй стал хвастаться. Родион беседу поддерживает да на антиквариат местного производства наталкивает, а сам избу оглядывает.

С первого взгляда ничего не нашел. После третьей рюмки дед намекнул, мол, сходил бы Родион за соленым огурчиком, ему самому тяжело спускаться в подпол.

Родиона упрасивать было не надо, полез он в подпол. Три ступеньки и земляной пол под ногами, в нишах — несколько банок с огурцами. Маленькая деревянная бочка с солеными грибами с плесенью на марле. Две трехлитровые стеклянные банки с брусникой, залитые водой. В фанерных ящиках лежал картофель. Взял Родион банку огурцов и решил уже выходить на свет и свечку тушить, как вдруг его взгляд натолкнулся на крашенный шкафчик. Открыл его, а там пустые стеклянные банки. Ничего больше! Потушил свечку, к деду пошел, а тот уснул, сопит себе после кагора. Стал Родион избу обходить да все дверцы открывать. Потом ставни закрыл, свет потушил и стал ждать чуда! Сам задремал после кагора.

Сон Родиону приснился: девушка берет его за руку и ведет на чердак. Он проснулся. Темно. Открыл ставни: на улице светло. Посмотрел, как на чердак забраться. Полез. Залез. Свечу зажег. На фанере плесневелые яблоки лежат. В углу сундук стоит. Открыл сундук, в нем оказались тряпки старые из темного сукна. Вытащил все. Некоторые вещи молюю подернуты. Брезгливо перебрал все, ничего деревянного в сундуке, кроме самого сундука, не было.

Родион словно взгляд в спине почувствовал, резко обернулся и увидел свечение. Подошел. Посмотрел на пол чердака. На полу лежала доска с рельефом, раньше такими досками белье гладили — до утюгов с угольками, до чугунных утюгов, которые просто на печь ставили.

Поднял он гладильную доску, а рядом еще валик лежит, свет излучает. Вспомнил Родион, что раньше гладили двумя этими предметами. Взял валик и доску, стал спускаться с крыши, ступеньки под его тяжестью и обломились. Он полетел кубарем и потерял сознание.

Очнулся — рядом дед стоит:

— Так ты вор, стало быть? А я думал, ты человек! Смотри, чего натворил, сказал бы уж, чего ищешь, продал бы тебе.

Родиону стыдно стало.

— Дед, я все починю и все расскажу.

Пришлось Родиону чинить лестницу, забор и все, что дед ему наметил, за работу получил он предметы быта из далекого прошлого.

Анфиса обрадовалась деревянному утюгу, оплатила его, но подумала, что все это уйдет в комплект для Тони. Следующая интересная передача Анфисе попала о русском модерне в мебельной промышленности конца девятнадцатого века.

Отличная мебель, видимо, жил-был великолепный мастер, великолепная резьба по дереву — зря передачу не записала, такие предметы старины! Важна идея, а сделать русский модерн можно всегда, вот если бы его можно было на поток поставить!

Родион привез редкую березу. Анфиса проработала внешний вид гарнитура и сказала, что он принадлежал потомкам боярыни Морозовой. Ей поверили. Анфиса, посмотрев на полуфабрикаты, вызвала Степана Степановича. Он, похудевший, но счастливый, явился перед ее глазами и вскоре запустил в производство комплект мебели на бывшей своей фирме: в результате каких-то махинаций, в которых сквозило имя Степана, фирма перестала принадлежать ему, но суд вернул ее Степану Степановичу, когда Анфиса приложила к этому руку.

Селедкин довел новый комплект с головами птиц до изумительного совершенства. Мебель сияла красивой поверхностью, сияли головы птиц на подлокотниках кресел. Все вздохнули, словно последнее время они и не жили на этой земле, а просто существовали без любимого дела.

Но Анфиса как в воду смотрела: все интересные события произошли из-за Полины.

Полину увидел Степан Степанович, который очень любил женщин с мистической энергией. Она произвела на него должное впечатление, и они вновь влюбились на глазах Анфисы!

Правда, что ей расстраиваться. Степана Степановича у Полины увела Зинаида, мать Паши, но теперь Полина увела его от нее! Логика янтарная или мистическое правило жизни.

Весной Виктор Сидорович и Эмма поехали на дачу. С первого взгляда было видно, что здесь зимой никого не было. Эмма отказалась от услуг Полины, она сама занялась уборкой помещений. Ее хозяйская жилка подсказывала, что это сущая роскошь — одним жить на такой большой даче. Эмма предложила дачу городскому детскому саду.

Приехала комиссия, дачу одобрила, и к лету сюда заехали малыши с воспитателями. Эмма, таким образом, спасла своего Виктора Сидоровича от посягательств чужих женщин. Он не возражал. Полина после такого расклада в жизни Виктора Сидоровича пошла на работу к Степану Степановичу. Его предприятие расцветало. Ее взяли на упаковку готовой продукции. Степан Степанович, получая зарплату, сразу отстегивал деньги Полине на Инну.

Много десятилетий назад звучала песня: «Все я в доме приберу, вымою посуду, и воды принести я не позабуду». Старая песня, сейчас Инна слушала реп и быстро-быстро произносила слова. Еще быстрее бросала неприбранную постель и исчезала с сотовым телефоном на зеленых просторах листвы под ярким весенним солнцем. Как-то утром за Инной домой зашла ее подруга.

Подруга была на два года старше нее, у нее дома всегда царили чистота и порядок. Девочка была одета в теплые ботинки, теплый вязаный свитер, куртку. Она переступила через порог квартиры Инны, ее глаза расширились при виде подруги, в одних полосках плавок и бюсте открывшей дверь. За спиной Инны царил первозданный беспорядок: одеяло лежало на полу, вещи лежали на диване, книги были разбросаны вперемешку с дисками.

Сквозь свое сумасбродное утро Инна крикнула:

— Мама, напиши учительнице записку, что меня летом здесь не будет, а то заставят школу мыть. Я на дачу уеду.

Ее способности к уборке на самом деле были на низком уровне развития, чего не скажешь о ее умственном развитии — здесь она обгоняла многих.

После школы, часа в три, раздался у Анфисы на работе звонок:

— Мама, я все уроки сделала. Ушла гулять с подругой, скажи, как снизить ей температуру? Я ей дала антибиотик и горошину, а еще что ей дать?

— Достаточно, — прозвучал ответ.

Трубка замолкла.

Анфиса продолжила работать. После работы она купила мясо, приготовила его кусками: так Инна его лучше ела. Судя по продуктам в доме, девочка сходила в магазин и купила то, чего ей самой хотелось. В частности, она любила сухой сыр, заплетенный косой. Вечер ушел на приготовление ужина, прозябание у телевизора под пледом. В квартире было прохладно, отопление отключено, окна очищены от зимних утеплителей. Что касается Анфисы, то она могла убирать в квартире раз в неделю, в свои вечные выходные. На неделе ее на это не хватало — иначе не хватит на работу.

Часам к восьми вечера появилось состояние тревожного ожидания госпожи Инны. Ее не было. Телефон молчал. В двадцать один час, вместе с программой «Время», взяла Анфиса в руки сотовый телефон.

Инна сразу ответила:

— В девять буду дома.

Ожидание стало аморфным, потом острым. Наконец она пришла.

На ней были босоножки на шпильках, куртка нараспашку, ноги сверкали сквозь дыры в джинсах.

— Мама, я не хочу есть. Я завтра поем.

Ее фигура значительно похудела за последнее время. Музыка оглушила пространство. Часто для позднего вечера раздавались телефонные звонки: ей звонили. Потом она обратилась к Анфисе:

— Мама, вот чего ты мне звонишь? У меня мальчик появился, парень, друг, папа бы обрадовался, а ты переживаешь. Он ровесник.

Она взяла копченый сыр, заплетенный косой, стала отщипывать кусочки сыра пальцами и совать в рот — это называлось «ужин».

Анфиса подумала о том, что пора бы новую диковинку выдумать на свою голову и на голову покупателя, и вызвала Степана Степановича. Он явился хмурый, страшный, а она ему — премию. Он расплылся в улыбке.

— Степан Степанович, у нас получилось с мебелью со зверями? Я поняла, что произошло на даче, здесь Степан был. Новую мебель надо делать!

— А кого пугать будем?

— Конкретный вопрос, лучше бы спросил, что делать и из чего? Делай базовый комплект.

— Чем украсишь?

— Не знаю, пока не — Страшная Вы женщина, хотите добыть новую рассадку для мистики?

— Самой мне не хочется добывать, я ленивая трусиха, кого бы послать добыть нечто? А, я знаю кого, все, спасибо.

Анфиса основательно задумалась и подумала, что это под силу Платону и Родиону, но Платон уехал и молчит, а это значит, что его нет.

Анфиса позвонила Родиону:

— Родион, привет! Зайди за зарплатой, тебе причитается.

Он нутром почувствовал, что Анфиса что-то замышляет, но пришел, взял деньги, посмотрел на директора. Она не заставила себя долго ждать и предложила:

— Есть дело на юге, место уточнишь у Виктора Сидоровича, твоя задача — найти рассадку для мистики для нового комплекта мебели. Родион, дело серьезное, вот тебе деньги на дорогу, адрес уточнишь. Все, — и она отвернулась от него, словно его и не было.

Он не обиделся, зашуршал новыми деньгами и, довольный жизнью, улыбнулся.

Виктор Сидорович после посещения своего музея в последний день жизни на даче не мог больше работать в своем кабинете, ему все казалось, что он сидит в музее, и чтобы избавиться от назойливой мысли, он позвонил:

— Самсон, привет, племянник, это я, Виктор Сидорович! Слушай, хочу отдать в твой музей свой кабинет.

Самсон присвистнул и ответил:

— Беру, если он от Анфисы.

Самсон позвонил:

— Анфиса, мой дядя, Виктор Сидорович, предлагает мне янтарный кабинет в музей, хочу под музей выделить четыре комнаты, надо подумать над названиями и над оформлением.

— Самсон, над этим надо подумать, а результат я покажу. Договорились? Я знаю планировку Вашего дома, ехать к Вам мне не обязательно.

У Самсона возникло ощущение, что его за уши отодрали, как маленького, но и подарки он стал получать весьма весомые.

В кабинет вошел мужчина высшего качества: так в своем мозгу Анфиса дала определение вошедшему мужчине. Холеное, благородное лицо, величественная осанка, плечи отведены назад, живот отсутствовал. Посетитель, одетый в костюм неопределенного цвета, но весьма дорогой и хорошо на нем сидящий по всей великолепной фигуре, поздоровался с владелицей салона антикварной мебели и предложил ей умопомрачительный контракт.

Проще говоря, господин Самсон положил на стол перечень предметов стариной мебели, необходимой ему для создания музея своих предков. Дело в том, что Анфиса написала бизнесмену его биографию до пятого колена, коим он хотел зацепиться за фаворита и великого человека своего времени — графа Орлова. Легенду прошлого для нынешнего предпринимателя необходимо было подкрепить настоящими предметами старины!

Анфиса решила, что янтарные часы как изюминку коллекции продаст Самсону за огромные деньги вместе с конторкой и комодом. А пока часы стояли у нее дома. Прочитав предварительный перечень предметов, она успокоилась, многое она могла поставить в личный музей предпринимателя.

Связь с общественностью у нее была налажена, летом она брала на работу студентов, которые занимались тем, что находили предметы старины. Господин Самсон предлагал поставить требуемые предметы в минимальные сроки, оплата наличными. Для большей важности он выложил перед Анфисой приличную сумму денег на первые расходы. Анфиса вызвала бухгалтера и на глазах предпринимателя деньги официально оприходовала.

Анфиса предложила Самсону, настоящему янтарному вампу, деловое соглашение: она поставляет ему антикварную мебель, украшенную янтарями, а он расплачивается за мебель, берущей начало от графа Орлова, от 1770 года. А кто не хочет пожить в интерьере, в котором сама царица почивала?

Договоры Анфиса выполняла: если Самсон дал деньги на мебель, то она ее и собирала. По расчетам получалось, что на выданный аванс, как пасьянс, складывались славянский шкаф, янтарные часы, комод и конторка с янтарями, дубовый стол и новые стулья под этот комплект, доведенные до совершенства умелыми руками столяра старшего Селедкина.

Муж Платон не мог простить Анфисе визит сотрудника Степана Степановича. Его он ненавидел всеми фибрами своей души. Но Платон не был столь могучим мужиком и осознавал, что физические силы у них разные, и от этого только больше его ненавидел, он еще продолжал сомневаться: а сын чей? Его или Степана Степановича? На пике этой затаенной злобы он приметил Леночку, продавца из антикварного магазина. Стал оказывать ей посильное внимание, тем и отводил свою душу от ненависти. Анфиса почувствовала, что Платон к ней охладел, но дел с малышом было так много, что она даже радовалась его холодности, у нее на него сил не оставалась.

Все было выполнено честно, и весь комплект стоял в квартире Родиона под его неусыпной охраной. Он и порадоваться не успел, как к нему в квартиру позвонил заказчик с охранниками. Родион о заказчике знал. Мобильный телефон ему купили для такого случая, он нажал на номер телефона Анфисы. За дверью послышался стук и угрозы, но он успел сказать, что заказчик прибыл.

Металлическая дверь гремела от ударов. Родион открыл дверь и отскочил в сторону, мимо него в комнату ворвались три человека и остановились в немом изумлении: из шкафа, часов, из стола и одного стула, в который вставили донорский кусочек дерева из шкафа, шло белое свечение, которое подсвечивало янтарь. Казалось, предметы переговариваются.

— Не обманула, — прошептал Самсон. — Красота! Мебель, я ваш новый хозяин, я заберу весь комплект, прячьте свое свечение.

Родион надеялся, что мебель съест наглеца, но предметы промолчали, они покорно погасили свой белый свет и янтарь.

Янтарный набор мебели продали достаточно удачно. Анфиса рассчиталась со всеми участниками проекта в рабочем кабинете. Господин Самсон не пожалел денег за конторку с янтарями. Благодаря чему Платон пересел на новую машину, что было выгодно в первую очередь Анфисе, он становился ее любимым мужчиной и шофером по совместительству.

Самсон привел себя в порядок, посетил все салоны красоты, даже мышцы покачал — и явился с букетом в кабинет бывшего директора антикварного салона, известного в своем городе благодаря ее находчивости. Он решил взять новую даму для себя даром.

Инесса Павловна сидела в своем кабинете и просматривала наброски Платона, мельком посмотрев на Самсона, она сказала, что есть предположение, что в одном из соседних городов найдена еще одна реликвия прошлого с янтарями.

«Кто бы сомневался», — подумал Самсон, а вслух сказал:

— Дорогая Инесса Павловна, спасибо Вам за участие в создании музея, примите мой скромный букет, — и поднес ей великолепный многоярусный букет гладиолусов. — У меня есть предложение: посетите мою скромную дачу, посмотрите музей в действии через неделю.

— Самсон, возражений нет, заезжайте через неделю, если не забудете о своих словах.

Самсон прислал Инессе Павловне приглашение на открытие музея своего предка. Ехать на официальную церемонию она не захотела.

Анфиса как новый директор антикварного салона согласилась поехать на открытие музея, от домашних хлопот она порядком устала, а тут появился повод выйти из дома. Она купила новую одежду, новые туфли, в которых и в гареме не грех было бы показаться, — так подумала о них Инесса Павловна.

В назначенный день за Анфисой заехала машина Самсона. Музей находился за пределами города. «И откуда берутся просторы?» — думала Анфиса, сидя на заднем сиденье машины. Она смотрела на пейзаж за окном, на бесконечное мелькание зеленой массы деревьев или полей, даже полей, покрытых зеленой растительностью.

Случайно ее взгляд упал на шофера, она вздрогнула, шофер показался ей странным. Она невольно застегнула на груди молнию легкой белой курточки и отвернулась к окну с мыслью, что уж очень долго едут они к музею. За окном замелькали дома дачного поселка, заборы один выше другого, на укрепленных стенах стояли камеры наблюдения, металлические ворота катались по рельсам, охраны не было видно, но она явно подразумевалась.

У одной такой современной крепости остановилась машина. Дверь машины бесшумно открылась, открылась и дверь в ограждении современного замка, впуская Анфису на территорию особняка. Людей не было видно. «Ничего себе открытие музея, — подумала Анфиса. — Людей нет, здание более чем современное».

Она посмотрела на внушительный дом с башенками, своего рода мини-дворец. Идти в дом Анфиса не решилась, она села на скамейку рядом с небольшим фонтаном. Из пасти льва, покрытого позолотой, струилась вода. «Как в сказке «Аленький цветочек», — промелькнула в ее голове, — все есть, людей не видно, не слышно». Она еще раз посмотрела на ворота, они были закрыты. Машина, в которой Анфиса приехала, не въезжала на территорию особняка.

Солнце припекало. Анфиса сняла с себя белую курточку, положила ее на белую сумку, украшенную большой брошкой вместо замка. Сумку Анфиса поставила на скамейку и, откинувшись на спинку скамейки, прикрыла глаза. Она задремала под легкий шум воды фонтана.

Самсон посмотрел сквозь легкие шторы на спящую Анфису. Грудь кормящей женщины, белая, пышная, выглядывала из маленького белого топика. Русые волосы крупными волнами лежали на ее плечах. На ногах бело-золотые туфли заканчивались шнурками почти у колен, где начинались светлые бриджи. У него появилась простая мужская мысль взять ее на руки, отнести в спальню вместо открытия музея. Он надел белые брюки, светлые без пяток босоножки, снял с себя майку и в таком виде спустился к Анфисе. Анфиса крепко спала. Он взял ее на руки и понес в спальную комнату, где положил Анфису на белое шелковое покрывало.

Кондиционер поддерживал в комнате прохладную атмосферу. Анфиса сквозь сон почувствовала прохладу, ей захотелось укрыться. Самсон посмотрел на божественную нежную грудь кормящей матери и прикрыл ее огромным белым полотенцем. Потом он подошел к кальяну, и

слабое средство, затуманивающее мозг, постепенно заполнило комнату. Легкие грезы окутали мозг уставшей молодой матери.

Два бокала легкого вина и виноградная гроздь на золотом блюде стояли на столе с прозрачной столешницей. Анфиса невольно потянулась к бокалу, жажда еще во сне стала ее мучить от непонятного привкуса на губах. Выпив бокал, она взяла одну виноградинку, и только тут заметила внимательный взгляд хозяина.

Самсон нажал на пульт, темные шторы на окнах опустились, легкий полумрак окутал комнату. Молния на топике оказалась в руках мужчины в белых брюках. Его красивое лицо приблизилось к ее лицу, молния медленно расстегнулась на груди молодой женщины. Грудь двумя волнующими окружностями выступала над двумя белыми чашечками. Самсон расстегнул застежку, расположенную спереди для удобства кормления грудью. Он двумя руками держал в руке грудь Анфисы, пристально смотрел в ее глаза и медленно подносил сосок к своим губам со стальным блеском в глазах. На соске выступило грудное молоко, он слизнул капли молока языком... Нет, он не пил молоко, он просто прикоснулся к сокровенному месту.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.